

ГЛОРИЯ ГОЛД

ПОДМОСКОВНАЯ РУСАЛКА

Глория Голд

Подмосковная русалка

«Автор»

2026

Голд Г.

Подмосковная русалка / Г. Голд — «Автор», 2026

Иногда судьба возвращает нас в те места, где мы едва не погибли и даёт второй шанс, о котором мы не просили. Он не знал, что та ночь на мосту изменит всё, что встреча с незнакомкой, появившейся из лунного света, перевернёт его жизнь с ног на голову. Что её молчаливое присутствие станет ответом на вопросы, которые он боялся себе задавать. Она не помнит, кто она, не знает, откуда пришла, но она чувствует – связь между ними не случайна. И время на исходе. Есть истории, которые не поддаются логике. Есть любовь, которая сильнее страха и есть шаг, который однажды придётся сделать. Что, если всё, что с нами происходит, – не случайность? Что, если тот, кого мы ищем, всю жизнь ждал нас? Что, если любовь – это единственное, что способно преодолеть время? Мистическая драма о тех, кто находит друг друга даже сквозь холод и тишину. О выборе, который меняет всё. И о воде, которая хранит тайны дольше, чем люди – память.

© Голд Г., 2026

© Автор, 2026

Глория Голд

Подмосковная русалка

И тут он всё вспомнил. Всё до самой последней, мельчайшей детали, до того неуловимого ощущения, которое годами пряталось где-то на самой глубине его сознания, не давая покоя, не позволяя забыть, но и не подпуская близко к истине. Он вспомнил, как ехал ночью в сильную грозу, когда небо над головой раскололось на части, и ливень обрушился на трассу сплошной стеной, заливая асфальт, стирая границы между дорогой и обочиной, превращая мир в одну сплошную, бесконечную водную пелену. Он не справился с управлением – просто не успел среагировать, когда задние колёса внезапно потеряли сцепление с мокрым, скользким покрытием, и машину занесло в тот самый миг, когда он уже почти поверил, что всё обойдётся, что он проскочит этот проклятый поворот, как проскакивал его сотни раз раньше. Сбив дорожные ограждения, которые хрустнули под ударом с каким-то жутким, металлическим, неестественным звуком, машина, пролетев несколько метров в пустоте – рухнула с моста в реку. Даже сейчас, спустя столько времени, он снова, как наяву, почувствовал тот ледяной, пронизывающий до костей холод, когда хлынувшая через окна чёрным потоком вода ворвалась в салон. И это долгое, томительное, бесконечно длящееся падение в пустоту – падение, которое часто снилось ему в ночных кошмарах, заставляя просыпаться в холодном поту с бешено колотящимся сердцем и смутным ощущением, что он снова тонет, снова проваливается в эту чёрную бездну, из которой нет выхода. Просыпаясь, он никак не мог вспомнить главного – как ему удалось тогда выбраться из машины, как он всплыл на поверхность и сумел доплыть до берега, преодолевая ледяную воду и собственную слабость. Воспоминания обрывались на стадии медленно-тягучего погружения в бездну, на том самом моменте, когда вода уже почти полностью заполнила лёгкие, когда сознание начало меркнуть, и перед глазами поплыли тёмные, расплывчатые круги. А потом была пустота. И только в больнице, куда его привезли местные жители, случайно обнаружившие его, лежащего бездыханным, на берегу, он снова открыл глаза и увидел белый потолок, услышал голоса врачей и почувствовал, как тонкая игла капельницы входит в вену, возвращая его к жизни...

Дверцу машины заклинило намертво, и сколько он ни пытался открыть её, сколько ни бил по ней плечом, сколько ни колотил кулаками по стёклам – они не поддавались, оставаясь глухими и непроницаемыми, а воздух в лёгких почти кончился, и в груди разрасталась тупая, пульсирующая боль, предвестница скорого конца.

И вдруг он увидел яркий, ослепительный, невыносимый белый свет, пронзивший темноту, как клинок, разрезающий плотную ткань ночи. В голове промелькнула мысль, что это конец, что так выглядит переход в иное, в то, что находится по ту сторону жизни, и больше не будет ни боли, ни страха, ни этого ледяного, парализующего холода. Но когда глаза привыкли к свету, ему удалось увидеть лицо молодой девушки, с любопытством разглядывавшей его сквозь толщу мутной воды. В её взгляде не было ни страха, ни удивления – только тихое, почти детское любопытство, словно она рассматривала диковинную рыбу, случайно заплывшую в её владения. Без малейшего усилия, словно дверца была сделана из бумаги, девушка открыла её, и вода хлынула в салон с новой силой, но она уже протянула ему руку – тонкую, бледную, с длинными пальцами, которые сомкнулись вокруг его запястья с неожиданной, почти нечеловеческой силой. Она помогла ему выбраться из машины, и они вместе начали всплывать на поверхность, и он чувствовал, как её тело, лёгкое и скользкое, прижимается к его спине, как её волосы, длинные и тёмные, струятся в воде, обвивая его плечи и шею, словно водоросли в медленном подводном течении.

Вдохнув воздух – такой сладкий, такой драгоценный, такой невероятно живительный после долгих секунд удушья, – и собрав последние силы, которые, казалось, уже покинули его,

он поплыл к берегу, работая руками и ногами в каком-то исступлённом, отчаянном ритме, который диктовало само выживание.

Обернувшись, он не увидел никакой девушки – только чёрную воду, спокойную и равнодушную, и лёгкую рябь, расходившуюся кругами в том месте, где они только что были. Он решил, что это была галлюцинация, возникшая в его сознании в состоянии стрессовой ситуации, когда мозг, отчаянно цепляющийся за жизнь, порождает спасительные образы, которые помогают не сдаться, не опустить руки, не позволить себе утонуть в этой чёрной бездне. Выбравшись на берег, обессиленный, дрожащий от холода и пережитого ужаса, он потерял сознание, и последнее, что он запомнил, был запах мокрой травы и тихий плеск воды где-то совсем рядом.

Потом были долгие недели, проведённые в больнице, бесконечные капельницы, уколы, анализы, тихие разговоры врачей за спиной и странное ощущение, что он вернулся откуда-то, откуда обычно не возвращаются...

Странно, как он мог забыть эти огромные, синие, широко распахнутые глаза, в которых отражалась сама вечность, и длинные, струящиеся вдоль тела волосы, которые в воде казались живыми, движущимися, дышащими, словно они были продолжением самой реки, её частью, тайной и душой.

Теперь пришло его время спасти её. Только один шаг отделял её от воды, покрытой тонким слоем льда, который блестел и переливался в лунном свете, словно драгоценное стекло, готовое рассыпаться от малейшего прикосновения. Она стояла на берегу, скинув туфли, и её босые ноги касались холодной, покрытой инеем травы, но она, казалось, совершенно не ощущала холода, как будто её тело принадлежало не этому миру, а чему-то иному, более древнему и более холодному. Она распустила волосы, и они рассыпались по плечам, струясь и переливаясь в серебряном сиянии луны, словно были сделаны из тёмного шёлка, на который упал лунный свет. Как и в их первую встречу, его поразила необыкновенная бледность её кожи – даже в лучах заката, окрашивавших небо в багряные и золотые тона, она отливала серебром, холодным, чистым, неземным, словно её плоть была соткана из лунного сияния и речного тумана.

Словно почувствовав его взгляд, она обернулась, и он увидел её глаза – те самые, которые снились ему каждую ночь и которые он никак не мог забыть, несмотря на все попытки убедить себя, что это была всего лишь галлюцинация, порождение уставшего, измученного сознания. У неё был пустой, отсутствующий взгляд, словно она смотрела сквозь него, сквозь этот мир, в какую-то другую реальность, недоступную его пониманию. Казалось, что она уже всё для себя решила, что она уже сделала выбор, и никакие слова, никакие мольбы не смогут изменить этого решения, которое созревало в ней долгие годы, пока она ждала его на этом берегу, в ночи и холоде. На мгновение его пронзила жуткая, ледяная мысль, что он опоздал, что он приехал слишком поздно, и уже ничего нельзя вернуть назад, исправить, изменить ход событий, которые движутся к своему неизбежному финалу.

Прошла целая вечность – как ему показалось, – пока он смог произнести слова, которые застряли в горле, разбиваясь о комок страха и отчаяния:

– Останься со мной.

Смысл сказанного не сразу проник в её сознание – она смотрела на него так, будто видела впервые, не узнавая, будто он был всего лишь тенью, случайно возникшей на её пути. Грустно улыбнувшись – той самой улыбкой, в которой была вся её тоска и бесконечная, холодная печаль, – она спросила тихо, почти шёпотом:

– Зачем?

Стараясь не спугнуть её, не нарушить ту тонкую, хрупкую нить, которая всё ещё связывала их, он очень медленно, словно боясь, что каждое его движение может стать последним,

сделал несколько шагов в её сторону и, глядя ей прямо в глаза, в эти бездонные синие озёра, в которых отражалась луна и вся его жизнь, прошептал:

– Ты нужна мне.

– Почему ты не сказал мне этого раньше? – спросила она безразличным, почти мёртвым голосом, в котором не было ни упрёка, ни обиды, только глухое, всепоглощающее равнодушие ко всему, что происходило вокруг.

– Я не сознавал, насколько ты мне нужна, – ответил он, и в голосе его звучала такая искренность, такая боль, такая отчаянная мольба, что даже ветер, казалось, замер, прислушиваясь к этим словам.

Он знал, что осталось всего несколько минут, что время уходит, тает, как тот самый лёд под её ногами, который уже начал трескаться, издавая тихий, едва слышный хруст. Ему было достаточно протянуть руку, чтобы, схватив её, оттащить от воды, от этого проклятого берега, от той бездны, которая уже раскрыла свои объятия, готовая принять её обратно.

Словно услышав что-то доступное только ей, какой-то зов, который доносился из глубины реки, из той самой черноты, в которой она провела столько лет, она повернулась лицом к реке, и он увидел, как её глаза наполнились тем самым белым, неземным светом, который он видел тогда, под водой, когда она смотрела на него и улыбалась.

Воспоминания лавиной обрушились на него, сметая все преграды, все попытки забыть, всё, что он выстроил вокруг этой истории. Через несколько месяцев после того, как он выписался из больницы, он снова ехал по той же, совершенно пустой в это время суток дороге, которая вела к проклятому мосту, к тому самому месту, где его жизнь разделилась на «до» и «после». Подъехав к мосту, он невольно притормозил, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, а ладони покрываются липким, холодным потом. С того рокового майского дня прошло достаточно много времени, чтобы раны затянулись, страх ушёл и можно было забыть – но он никак не мог совладать с неожиданным, иррациональным, суеверным ужасом, как только представлял, что ему снова придётся проехать по этому мосту через ту самую реку, которая едва не стала его могилой. Время близилось к полуночи, и вокруг было тихо, только ветер шумел в кронах деревьев, да где-то вдали лаяла собака. «Через несколько дней будет полнолуние», – подумал он, глядя на луну, которая заливала окрестности своим холодным, серебряным светом, делая всё вокруг похожим на декорации к старинной, немного жутковатой сказке. Снега ещё не было, но реку уже начал сковывать первый лёд – тонкий, прозрачный, хрупкий, словно стекло, которое вот-вот рассыплется от малейшего прикосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.